

^ Мурузи

Горожане в течение XX столетия утрачивали представление о Доме как константе жизни. Обезличенные «жилые комплексы» со стандартным набором предметов – удел большинства. Но и состоятельные граждане, имеющие возможность построить особняк за городом или купить большую квартиру, получают вместо дома суррогат. Дома-коробки небезобидны. Они трансформируют человека под себя, формируя поколения, в которых будет доминировать «человек-ящик».

Ключевые слова: архитектура; понятие «Дом»; утрата дома; «человек-ящик».

Throughout the 20th century, citizens have been losing the idea of Home as a constant in life. Depersonalized “housing estates” with a standard set of things are a common lot. But even rich citizens, who have an opportunity to build a house outside the city or to buy a big apartment, get a surrogate instead of a home. Boxlike houses are not harmless. They transform a human to fit themselves, while forming the generations where the “box man” will dominate.

Keywords: architecture; the idea of Home; losing home; “box man”.

Путь от Дома, или «человек-ящик» /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Русское наречие направления, «обстоятельное», неизменяемое – домой и существительное «дом» легко переводятся на другие языки. Английское home, house; немецкое zuhause, das Haus, французское la maison, maison и прочие близки по смыслу, но в русских словах «домой» и «дом» слышится еще и тоска по утратам, которые пережил в XX столетии русский мир. Слово «домой» уникально в любом языке: нет ни одного другого направления в пространстве, кроме пути к дому, которое обозначалось бы особым словом. Когда произносится слово «дом», возникает теплый образ, где есть место огню, воде и зелени, вещи наполнены смыслом, стоят на своих местах и человек защищен от холода и невзгод. Сентиментальными образами дома наполнены романы, повести, эссе, мемуары...

Дом – константа, без которой человек бесприютен, лишен корней. Это место, куда можно вернуться, и из окна будут видны все те же соседние строения и старые деревья. Дом – спокойствие и стабильность – то, чего так не хватает жителям мегаполисов, которых архитекторы наперебой стремятся поразить экстравагантностью форм небоскребов, торговых центров, гигантскими стадионами и прочими чудесами строительного дизайна. Горожанам предлагаются квартиры в новостройках с асимметричными комнатами, острыми углами, панорамным остеклением, где квадратных метров, казалось бы, достаточно, а жить негде и нечем. Может быть, такая архитектура – попытка привлечь внимание пресыщенных и утомленных обилием информации людей, дать новый импульс для эмоционального всплеска? (Недаром слово «эмоция» ныне так популярно. Вызвать эмоции, зачастую запрещенными, противоречащими и эстетике, и этике приемами – цель современных зрелищ).

«Иногда меня удивляет, почему людям так нравится, когда современные здания изображают вихрь, взрыв, взлетающую спираль и массу иных динамических и оглушительных сюжетов – никак не соответствующих ни процессам в этих зданиях, ни процессам в душах авторов и их зрителей. Приходит на ум нечто, вроде «мечты импотента». Люди, томимые внутренней тоской и скукой, на время приобщаются к этим драматическим архитектурным символам, как к речам трибуна», – пишет

Александр Раппапорт в статье «Архитектурная вирага» [1].

Горожане, испытывающие непрерывный стресс в транспорте, на работе, не имеющие возможности уединиться, нуждаются в допинге, в том числе и визуальном. Преодоление эмоциональной усталости с помощью сильно действующих средств приводит к истощению. Здания-аттракционы, в том числе и жилые, зрелища со световыми эффектами, громкий звук, медиаэкраны – это и есть стимулирующие средства. Исчерпав возможности такого допинга, люди меняют сексуальных партнеров, профессии, города и страны, но и это мало помогает избавиться от напряжения и внутренней пустоты.

Нужен спокойный дом с достойной архитектурой. Такие есть в исторических центрах. Но пристанища большинства – комнаты и квартирки в многоэтажных «жилых комплексах» спальных районов – обезличенные коробки со стандартным набором предметов, не согретых теплом рук многих поколений и памятью. Такие вместительные лица жизненных функций (пусть даже «умные» «машины для жилья») покидают без сожаления и возвращаются по необходимости. Отсутствие настоящего дома – норма для огромного количества людей. Поэтому так много времени они проводят в путешествиях, просиживают в барах и кафе, где относительно чисто, тепло, и есть иллюзия общения. «Его жилище стало омерзительным. А для бедняка, которому не в радость собственный угол, всегда готов другой дом – доступный, богатый, ярко освещенный, приветливый: это кафе. На окраине эти заведения выглядят особенно оживленными. В них царит та стадная теплота, которая кажется последним спасением от ужасов одиночества, от его темных порывов» [2].

Редкие городские семьи живут в домах, пусть даже многоквартирных, но обладающих индивидуальностью, в местах, ради которых туристы едут за тысячи километров. Но вот уже венецианские власти вынуждены ограничивать потоки туристов. Жители центра Барселоны тоже не особенно рады пришельцам, совершающим своеобразный «хадж» к творениям Гауди и в средневековый квартал.

Немногие жители городов во всем мире живут в домах, обладающих яркой индивидуальностью. А ведь типового

Проект особняка С.-Петербургского общества сражающихся на Тверском бульваре. Фасад. 1899

Проект доходного дома А.Ф. и Н.Ф. Бочаровых на Гоголевском бульваре. Фасад. 1902. ЦАНТДМ

The Way from Home, or the “Box Man”

строительства не так уж много. Большинство «жилых комплексов» строятся по индивидуальным проектам, но они похожи один на другой, как братья. Планировки квартир даже в дорогих домах оставляют желать лучшего. Впрочем, дорогими они являются, в основном, для покупателей квадратных метров. На самом деле, кроме большей площади квартир и подсобных помещений, почти никаких отличий от жилья эконом-класса нет: ни хорошей шумоизоляции, ни дорогих материалов.... Важно, конечно, местоположение. Хорошо, если такой дом находится в тихом историческом центре, рядом старинные особняки и доходные дома. Они-то и восполняют архитектурные недостатки новостройки. Лучше для тех, кто понимает ценность архитектуры, жить в квартире отреставрированного доходного дома XIX века или в «сталинке» – с лепными украшениями на фасаде, толстыми кирпичными стенами, высокими потолками... Увы, такая роскошь доступна немногим. И дело даже не в наличии миллионов. Большинство состоятельных людей не отличают настоящее от суррогатов: советских людей долго учили понимать нефункциональную ценность вещей и архитектуры. Своих детей они этому тоже не научили.

В свое время родителям Иосифа Бродского повезло. Свои полторы комнаты площадью 40 квадратных метров они имели в самом центре Петербурга, в доме, похожем на сказочный восточный дворец. Он был построен в 1874–1877 годах по проекту архитектора А. К. Серебрякова для князя Александра Дмитриевича Мурузи и до сих пор известен под именем «дом Мурузи». Он был для жителей Петербурга рубежа XIX – XX веков сенсацией, чудом. Во что превратилось через сорок – пятьдесят лет это здание, рассказал Иосиф Бродский в эссе «Полторы комнаты»: «После революции, в соответствии с политикой «уплотнения» буржуазии, анфиладу поделили на кусочки, по комнате на семью. Между комнатами были воздвигнуты стены – сначала из фанеры. Впоследствии, с годами, доски, кирпичи и штукатурка возвели эти перегородки в ранг архитектурной нормы. Если в пространстве заложено ощущение бесконечности, то не в его протяженности, а в сжатости. Хотя бы потому, что сжатие пространства, как ни странно, всегда понятнее. Оно лучше организовано, для него больше названий: камера,

чулан, могила» [3]. Радовали ли обитателей коммунальных квартир в «доме Мурузи» лепные потоки, изразцовые каминные, «мавританский стиль» фасада? Нет, конечно. Волнуют ли рака-отшельника, который забрался в раковину мертвого моллюска, переливы перламутра и изысканные формы его нового жилища? Раку важно, чтобы спираль ракушки была закручена вправо и внутреннее пространство было достаточным, иначе он не сможет в ней жить. Остальное не существенно.

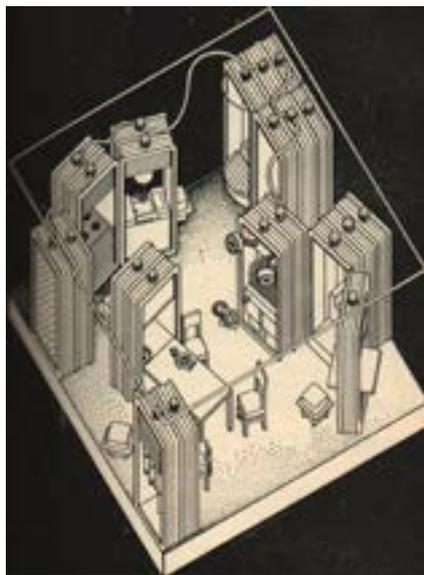
Мечта о том, что можно построить собственный дом на лоне природы, не оставляет горожан. Состоятельные люди стремительно покидают мегаполисы, вокруг которых растут элитные поселки. Загородные коттеджи и виллы в таких поселках не претендуют на звание «домов с историей и привидениями». Для привидений они еще слишком юны. На самом деле эти, казалось бы, уникальные строения так же бессмысленны, как и городские квартиры в новостройках. Нет, квадратных метров и дорогих материалов в них хватает. Образцом для большинства до сих пор служат особняки позапрошлого

v Большая Морская

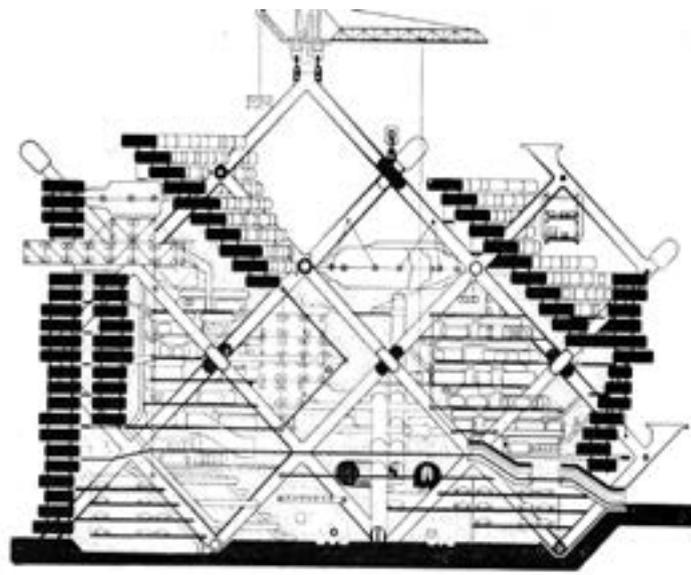

^ Жилой кокон.
Д. Грин 1970-е гг.

^ Система контейнеров Э.Соттсасс 1970-е гг.

^ Фрагмент система Плаг ин Сити. Группа Аркигрэм

века. Беда состоит в том, что архитекторы уже давно разучились строить дома так, как строили Лев Кекушев и Франц Шехтель. «Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века» Гавриила Васильевича Барановского не помогает, а в архитектурных ВУЗах учить этому искусству некому. Вдобавок у каждого проектировщика «собственная гордость». И получается нечто, отдаленно похожее на эклектику или модерн рубежа XIX – XX веков, но грубее и вульгарнее. Есть люди, предпочитающие «современный стиль»; есть те, которые заказывают и строят настолько необычные сооружения, что назвать их жилым домом сложно.

В песне «Достань гранату» группы «Сплин» есть слова: «...я нарисую портрет из прошлогодних газет, построю дом под углом с авиационным винтом...» [4]. Как жить «под углом», никто не знает, но такие сооружения плодятся, как грибы. Рядом с ними и «пожилые пятиэтажки» покажутся милыми. Скоро будем с грустью смотреть, как их сносят и строят на их месте тридцатиэтажные «человейники».

Жители микрорайонов 60-х годов постройки отказываются переезжать в новые дома, подобно толстовскому Чурису из «Утра помещика», который уговаривал барина не переселять его из разваливающегося дома: «Какая же там жизнь? Ты посуды: место нежилое, вода неизвестная, выгона нетути. Конопляники у нас здесь искони навозные, а там что? Да и что там? голь! Ни плетней, ни овинов, ни сараев, ничего нетути. Разоримся мы, ваше сиятельство, коли нас туда погонишь, вконец разоримся! Место новое, неизвестное...» [5]. Помещик Неклюдов оставил своего крепостного жить в привычной обстановке, а современные «сиятельства» слушать «нищобродов» из хрущовок не желают. Архитекторы, которые говорят, что большинство этих домов можно реконструировать и не переселять жителей, им не указ. Реконструкция – это расходы; заработать на реконструкции гораздо сложнее, чем на новом строительстве.

Плакат об идилии прошлых веков, о просторных квартирах с анфиладами комнат и особняках, где кресла из карельской березы и резные буфеты помнят прадедушек, бессмысленно. Их уже давно оплакали те, кто уезжал из Советской России на «философском пароходе»,

кто потерял надежду на возвращение на Галлиполийском полуострове, кто остался в СССР, не в силах покинуть родину, и был лишен права жить в своем доме.

Правнуки Набокова знают о Выре, Рождествено, доме на Большой Морской под номером 47, который писатель называл «единственным домом в мире». (Набоков и его семья никогда не имели никакого собственного жилья после отъезда из Петербурга 15 ноября 1917 года). Мир дореволюционной элиты рухнул, и те, кто жил в роскошных квартирах, в лучшем случае передали память о дорогих им домах своим потомкам в воспоминаниях, романах, эссе. Те же, кто остался, пережили трагедию национализации, уплотнения, коммунального быта. Их потомки живут в панельных домах, и некоторые из них постепенно превращаются в тех, кого описывал Кобо Абэ в провидческом романе «Человек-ящик» (1973 г.): «Сделать ящик несложно. На это не потребуется и часа. А вот чтобы надеть его и стать человеком-ящиком – для этого нужно немалое мужество. В тот миг, как человек влезает в ничем не примечательный, обычный картонный ящик и выходит на улицу, исчезают и ящик, и человек и появляется совершенно новое существо» [6].

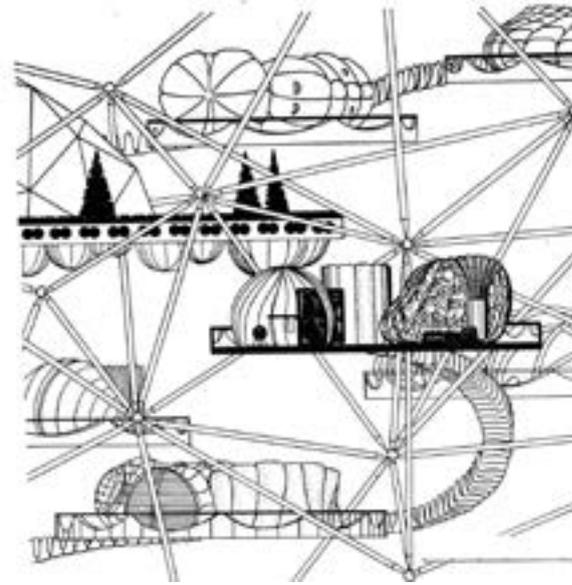
Яд, которым отравлен «человек-ящик», настаивался долго. Его начали готовить еще футуристы начала XX века. Рисунки Антонио Сент-Элиа, созданные до Первой мировой войны, вызвали восторг и недоумение современников. Они были фантазией, никак не связанной с реальной жизнью итальянских городов и бытом людей. Впрочем, в футуристических проектах о сомасштабности человеку и соответствии реалиям жизни никто и не думал. Увлекали гигантские масштабы и невиданные формы стеклянно-бетонных громад.

«Бумажная архитектура» 80-х годов XX века была, в отличие от того, что проповедовали футуристы начала XX века, ностальгией по человечности. «Молодые архитекторы-бумажники демонстрировали своего рода «пир» – теперь уже не только «пир во время чумы», но и пир после долгого поста» [1]. Многие из тех, кто рисовал «бумажные» проекты, не случайно стали приверженцами классики.

Английская архитектурная группа, оформившаяся в 1960-х годах вокруг журнала «Аркигрэм» (Питер Кук,

^ Группа Хаус Руккер. Маски и шлемы собственной среды

^ А.Сикачѳв И Лучкова Жилище 2070 А

Уорен Чок, Рон Херрон, Дэнис Кромптон, Майкл Уэбб и Дэвид Грин), утверждала, что главными свойствами современной архитектуры должна быть текучесть, динамизм, ничем не сдерживаемая изменчивость... Их проекты не были похожи на статичный «Лучезарный город» Корбюзье, который так или иначе был связан с ландшафтом. «Аркигрэм» рисовали «шагающие города», «компьютер-сити», «плаг-ин-сити». Ни природный ландшафт, ни ландшафт исторических городов был для них не важен. Их проекты предполагали, что жилище людей будет состоять из контейнеров для сна, кабин с повышенной звукоизоляцией для музицирования и работы; жилые ячейки с гибкой геометрией должны были удовлетворять изменяющимся потребностям и т. п. Бесконечно растущая жилая структура, по мысли «Аркигрэм», должна была занимать огромные пространства и быть универсальной для любого климата. Особое значение придавалось тому, что ячейки можно легко заменить. Следствием реализации такого концепта могла стать амнезия. Психика и культура людей, живущих в контейнерах, придуманных группой «Аркигрэм», претерпела бы фатальные изменения. Но об этом авторы футуристических проектов 60-х годов XX века мало задумывались, рисуя контейнеры, начиненные гаджетами.

Прошло полвека, и японцы реализовали фантазии «Аркигрэм», Химмельблау, стала явью «жилая ячейка» А. Росселли... Вопрос: насколько изменились сами люди? Дома-коробки и «жилые ячейки» небезобидны. Они трансформируют человека под себя. Известный факт: музыканты, выросшие в маленьких квартирах с низкими потолками, с трудом адаптируются к большому залу, им приходится преодолевать приступы агорафобии. Не думаю, что страдает только психика музыкантов. Архитектура влияет на всех. «Люди-ящики» – уже реальность. Нет, они, конечно, не будут носить на себе картонные коробки, как «человек-ящик» Кобо Абэ. Они будут мыслить ящиками. Эта тенденция хорошо просматривается в проектах студентов-архитекторов и дизайнеров. Поддерживается она тем, что на компьютере проще всего нарисовать ящик.

«Человек-ящик» не будет даже мечтать о Доме, поскольку не будет знать, что это такое. Возможно, в бу-

дущем найдется группа архитекторов, которая вспомнит забытые декларации Леона Крие и попытается объяснить, что утрачено блистательное разнообразие и магия мира Архитектуры. Наверное, их будут называть «бумажники», поскольку рисовать Дома они будут на ватмане карандашами, акварелью, тушью.

Литература

1. Рappaport А. Г. Бумажная архитектура, постскрипtum. [Электронный ресурс] // Блог «Башня и лабиринт». <http://papardes.blogspot.com>
2. Камю Альбер. Счастливая смерть. [Электронный ресурс] <https://unotices.com/book.php?id=152260&page=9>
3. Бродский И. А. Полторы комнаты [Электронный ресурс] <http://www.lib.ru/BRODSKIJ/rooms.txt>
4. Сплин. Слова песни «Достань гранату» [Электронный ресурс] <http://www.megalyrics.ru/lyric/splin/dostan-ghranatu.htm>
5. Толстой Л. Н. Утро помещика. [Электронный ресурс] http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_2/01text/0016.htm
6. Абэ Кобо. Человек-ящик. [Электронный ресурс] <http://lib.ru/INPROZ/KOBO/yaschik.txt>

References

- Abe, K. (n.d.). The Box Man. Retrieved from <http://lib.ru / INPROZ / KOBO / yaschik.txt>
- Brodsky, I. A. (n.d.). Poltory komnaty [A Room and a half]. Retrieved from <http://www.lib.ru / BRODSKIJ / rooms.txt>
- Camus, A. (n.d.). Schastlivaya smert' [A Happy Death]. Retrieved from <https://unotices.com / book.php?id=152260&page=9>
- Rappaport, A. G. (n.d.). Bumazhnaya arkhitektura, postscriptum [Paper architecture, postscriptum]. Bashnya i labirint. Retrieved from <http://papardes.blogspot.com>
- Splin (n.d.). Dostan' granatu [Take a Grenade]. Retrieved from <http://www.megalyrics.ru / lyric / splin / dostan-ghranatu.htm>
- Tolstoy, L. (n.d.). Utro pomeschika [The Landlord's Morning]. Retrieved from http://rvb.ru / tolstoy / 01text / vol_2 / 01text / 0016.htm